
ПРАВОВАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И РЕЛИГИОЗНАЯ МЫСЛЬ

ИСТОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ И ПРАВОВЫХ УЧЕНИЙ В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК: ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИИ

© 2017 г. Елизавета Александровна Фролова¹

В статье рассматриваются методологические проблемы науки истории политических и правовых учений, показывается соотношение этой науки с теорией государства и права, философией и социологией права; анализируются темы закономерностей и преемственности в истории политической и правовой мысли; предлагаются критерии оценок политико-правовых учений.

The article deals with the methodological problems of science history of political and legal doctrines, shows the relationship of science to the theory of law, philosophy and sociology of law; Topics analyzed patterns and continuity in the history of political and legal thought; proposed assessment criteria of political and legal doctrines.

Ключевые слова: история политических и правовых учений, философия права, теория государства и права, методология юридической науки.

Key words: history of political and legal doctrines, philosophy of law, theory of state and of law, methodology of jurisprudence.

История политических и правовых учений относится к циклу историко-теоретических наук о государстве и праве. Одной из основных задач этой науки является обнаружение закономерностей развития политико-правовой идеологии, прежде всего доктринального уровня². Значимость истории политических и правовых учений определяется рядом причин. Она создает модели теоретического познания государства и права и потому выступает как школа альтернативного мышления. Проблемы понимания и соотношения права и государства, права и морали, политики и морали, личности и государства, реформ и революций, обеспечения прав и свобод человека и многое другое всегда волновали человечество, горячо обсуждались в обществах. В результате дискуссий и споров по этим вопросам складывались системы аргументов в защиту того или иного решения политико-правовой проблемы. Наука истории политических и правовых учений, в рамках которой

накоплен огромный фактический материал, предоставляет возможность соотносить с учетом многовековых споров разные теории, направления, течения политико-правовой мысли³.

Содержание и формы политико-правовых учений различны (философские письма, научные трактаты, политические памфлеты и др.), однако каждая политико-правовая доктрина (учение, концепция, теория)⁴, а не случайно высказанная,

¹ Доцент кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, доктор юридических наук (E-mail: frolova.msu@mail.ru).

Elizaveta Frolova, associate Professor of department of theory of state and law and political science of juridical faculty of Moscow state University M. V. Lomonosov, Doctor of Law (E-mail: theory.law.msu@gmail.com).

² О соотношении фундаментальных правовых наук и отраслевых см.: Жуков В. Н. Юридическая наука: многообразие в единстве // Кроткова Н. В. История и методология юридической науки ("Круглый стол" кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова и журнала "Государство и право") // Гос. и право. 2016. № 4. С. 7–10.

³ С середины 90-х годов в нашей юридической литературе в качестве особенностей этого времени назывались становление идеологического плюрализма, признание различных вариантов мышления, в том числе, юридического. Справедливо отмечалось, что соревнование идейных течений, обмен доводами "дают возможность изжить узость и одномерность идеологически деформированного сознания, строго ориентированного на господствующее официальное мировоззрение" (см.: История политических и правовых учений. Учеб. / Под ред. О. Э. Лейста. М., 1997. С. 4; Жуков В. Н. Место теории государства и права, философии права и истории политических учений в системе высшего юридического образования (Научно-практическая конференция) // Гос. и право. 2000. № 12. С. 99–101).

⁴ В данном контексте "доктрина", "концепция", "учение", "теория" рассматриваются как синонимы. К науке история политических и правовых учений во многом может быть применима типология, заимствованная из философии: "Философское учение – первичный феномен историко-философского процесса, школа – развитие или модификация учения последователями, течение – совокупность различных модификаций школ, направление – совокупность философских течений, которые при всех расхождениях друг с другом имеют общие идеи" (см.: Ойзерман Т. И. Философские направления как предмет исследования // Вопросы философии. 1971. № 8. С. 51. Цит. по: Лазарев В. В., Невновски Н. К. О предмете и методе истории политических

даже оригинальная, мысль (суждение, настроение, взгляд) предполагает определенную структуру, включающую философско-теоретическую основу (методологию), содержательную часть, предметно раскрывающую вопросы государства и права и предлагающую для решения этих вопросов ряд мер, содержащихся в программной части учения⁵. Составные элементы доктрины не всегда очевидны в творчестве мыслителя, но в том или ином объеме обязательно присутствуют. Так, например, при явном приоритете философско-методологической составляющей философия права И. Канта содержит конкретную антифеодальную политико-правовую программу преобразования государственно-правового строя Пруссии XVIII в. П. И. Пестель помимо детального перечня первоочередных мер радикального переустройства России являлся сторонником теории естественного права в качестве логико-теоретической основы своих программных построений. Одной из задач для специалистов в сфере истории политико-правовых учений являются поиск, раскрытие и анализ всех частей концепции. Наличие политического и правового учения предполагает связанность элементов структуры, что выражается в относительной устойчивости доктрин. При анализе политических и правовых учений крайне нежелательно разрывать части системы, выбирать

из контекста отдельные фразы и оценивать их вне общего понимания доктрины.

Логико-теоретический компонент учения выражает господствующее мировоззрение эпохи (например, Древний мир — философия, Средние века — теология, Новое время — рационализм, Новейшее время — социология, психология, политология и др.). В учебной литературе справедливо отмечается, что мировоззренческая основа каждого политико-правового учения не произвольна — она соответствует влиятельному способу мышления эпохи, но многовариантна⁶. Абстрактность методологических основ учений о праве и государстве порождает возможность использовать этот теоретический элемент для обоснования разных, даже противоположных, программных требований (например, теоретическое исследование природы человека лежит в основании авторитарной доктрины Гоббса и демократической концепции Спинозы, на идее суверенитета законов природы выстраивался коммунизм Морелли и реакционно-феодальное учение де Бональда, ссылаясь на природу права и необходимость общественного развития обосновывался проект вечного мира Канта и оправдывались военные действия государств в философии Гегеля).

Программная часть учений связана с государством, правом, политикой. Общественные идеалы, представленные в программных требованиях, выражают интересы и определяют цели социальных групп (страт, классов). Сложно не согласиться с замечанием основоположников марксистской идеологии, что «в исторических битвах следует проводить различие между фразами и иллюзиями партий и их действительной природой, их действительными интересами»⁷. Любой общественный идеал, по сути, является регулятивной идеей, на основе которой происходит оценка политико-правовой реальности. Иными словами, в программной части оцениваются наличные правовые и государственные институты; при необходимости их преобразований авторы концепций предлагают механизмы их смены (с помощью реформ или революций), создают проекты новых обществ на принципиально других основах или близкой к существующей государственно-правовой практике. Программные требования концепции всегда идеологичны, ориентированы на какой-либо социальный идеал. Наличие этой части политико-правовых доктрин отличает науку политических и правовых учений от политической

учений // Правоведение. 1972. № 3). Смысл термина «учение» принципиально важен для истории политических и правовых учений. В научной литературе на это не раз обращалось внимание: «Не всегда адекватно используется термин «учение». ... Особенно тогда, когда фактически в ранг «учения» возводится либо каким-то образом скрепленный набор самых различных по гносеологическому уровню высказываний, либо даже отдельные мнения. Подобная нестрогость приводит к тому, что приобщенными к лику политических мыслителей оказываются не только философы и историки, политэкономы и социологи, но также многие не являвшиеся теоретиками политики, государственные деятели..., публицисты и поэты... Никто не собирается оспаривать наличие у ряда философов, у отдельных поэтов ярких пронизательных суждений о тех или иных сторонах политики. Тем не менее остается открытым вопрос, насколько правомерно считать поэтов..., касающихся в том или ином контексте общественно-политических проблем, классиками политической мысли, создателями оригинальных и исторически значимых концепций власти, государства, права» (см.: История политических учений в системе юридического образования // Правоведение. 1972. № 4. С. 83).

⁵ Содержание, структуру, методологические проблемы доктрин см.: История политических и правовых учений. Учеб. / Под ред. О. Э. Лейста. М., 1999. С. 2–23. Особенности истории политических учений как науки и учебной дисциплины представлены проф. О. В. Мартышиным (см.: История политических учений. Учеб. для вузов / Под общ. ред. О. В. Мартышина. М., 2002. С. 1, 2). Анализ становления и развития политико-правовой идеологии см.: История политических и правовых учений. Учеб. / Под ред. М. Н. Марченко. М., 2012. С. 13–21.

⁶ См. об этом: Политология. Курс лекций. Учеб. пособие / Под ред. М. Н. Марченко. М., 1993. С. 20.

⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 8. С. 145.

социологии, философии права, теории государства и права.

Триада этих частей формирует политико-правовую доктрину. В методологическом плане важно, чтобы в рамках истории политических и правовых учений происходило *целостное восприятие концепции*. В этой связи можно вспомнить слова известного юриста, автора классической пятитомной «Истории политических учений», заложившей фундамент отечественной науки истории политических и правовых учений, Б. Н. Чичерина: «Истинно то, что вечно, что лежит в самом существе мысли, что проявляется как необходимое требование во всех ее отношениях к внешнему миру, то будущее не даст нам ничего существенного, что бы ни было в прошедшем. Оно может принести большую полноту содержания, но оно не изменит самых начал, поскольку начала, вытекающие из природы вещей, всегда одни и те же»⁸.

Как отмечалось, содержание и формы политико-правовых доктрин разнообразны. Это разнообразие определяется многими факторами, прежде всего объемом знаний мыслителя, особенностями его мышления, жизненными условиями, уровнем образования и др. Однако в целом философско-методологическая основа, содержание учения и его программная часть взаимосвязаны, что позволяет каждое творение в области политико-правовой идеологии оценивать с точки зрения логики, глубины поставленных вопросов, фактической обоснованности и достоверности выводов с учетом ценностной составляющей доктрин и др.

Соотношение истории политических и правовых учений с другими социальными науками

История политических учений, по убеждению Б. Н. Чичерина, предоставляет лучшее руководство к познанию как истории, так и государственных начал. Она занимает середину между философским ходом мысли и практическим развитием государственных учреждений. Эта наука, с одной стороны, находится в непосредственной связи с историей философских систем, которые содержат и политические теории; с другой — она идет параллельно с движением жизни, то руководствуясь ее требованиями, то направляя ее своими идеями. Таким образом, полагал теоретик политической мысли, в истории политических учений изображаются не только преемственный

ход мысли, но и сам ход жизни. Именно поэтому в истории политических учений всего удобнее исследовать историческое развитие человечества и отыскивать управляющие им законы⁹.

История политических и правовых учений предполагает исследование наиболее значимых учений о праве и государстве разных эпох различных народов. Содержание политико-правовых доктрин, тем более их оценка вызывают много неясностей, разночтений, комментариев, толкований, возражений. Дело в том, что исследуемый в рамках данного предмета материал (фактологически огромный) изучается и иными науками: историей государства и права, политической социологией, философией, культурологией и др. В этой связи представляется методологически оправданным отграничение предмета истории политических и правовых учений от соприкасаемых наук. История политических и правовых учений — не энциклопедия права (юриспруденции), где в сжатой форме предлагается обозрение политико-правовых взглядов мыслителей и значимых событий в сфере государства и права¹⁰. Данная наука отражает в понятиях теории права и государства меняющиеся исторические условия и идеалы различных социальных групп.

Фундаментальные науки о праве и государстве, к которым относится история политических и правовых учений, формируют юридическое мышление. Уже по одной этой причине к ним не ослабевает интерес. Однако споры о соотношении предметов и методов философии права, истории политических и правовых учений, теории государства и права идут давно и не без оснований, что порождало, в частности, изменения названий этих наук и учебных курсов¹¹. В разные исторические периоды нашего государства история политических и правовых учений называлась по-разному: «История философии законодательства» К. А. Неволлина; в соответствии с 5-томным курсом Б. Н. Чичерина — «История политических учений»; позднее данный курс получил наименование «История философии права»

⁹ См.: там же.

¹⁰ См., например: Фролова Е. А. Соотношение энциклопедии, теории и философии права (Теоретико-методологические основы) // Вестник МГУ. 2007. № 3. С. 31–43.

¹¹ Анализ факторов, в силу которых возрастало идеологическое значение социально-политических теорий в советский период, см., например: Политические учения: история и современность // Сов. гос. и право. 1972. № 1. Об актуальности изучения политической мысли в современной России см.: История политических учений. Учеб. для вузов / Под общ. ред. О. В. Мартышина. С. 6–12.

⁸ Чичерин Б. Н. История политических учений. Т. 1 / Подготовка текста, вступ. ст. и комм. И. И. Евлампиева. СПб., 2006. С. 28.

(Н.М. Коркунов, П. И. Новгородцев, Г.Ф. Шершеневич); курс лекций “История общих учений о праве и государстве” А. Н. Фатеева; в советское время были приняты названия “История политических учений”, “История учений о праве и государстве”, “История политических и правовых учений”.

Уже отмечалось, что история политических и правовых учений как академическая дисциплина соприкасается с теорией государства и права, философией права, социологией права, историей государства и права. Предмет истории политических и правовых учений образуют концепции, содержащие решения наиболее общих и значимых проблем теории государства и права (например, происхождение государства и права, соотношение государства и права, личности и общества и др.). Поэтому историю политических и правовых учений справедливо называют историей теории государства и права. В учебной литературе высказывается мнение о тесной связи истории политических и правовых учений и теории государства и права. При этом отмечается следующее: “...если теория государства и права систематизирует знания о *современном* (курсив мой. — Е.Ф.) государстве и *современном — действующем сейчас* (курсив мой. — Е.Ф.) — праве, история политических и правовых учений — это систематизация многовекового опыта индивидуального (не коллективного) осмысления государственно-правовых явлений”¹². Факт связи истории политических и правовых учений с теорией государства и права не подлежит сомнению. Однако представляется, что различие данных наук заключается в другом. Содержание теории государства и права не ограничивается изучением только лишь современной практики государства и права. В рамках этой науки изучаются разные исторические типы, формы общества и государства, источники права разных времен и народов, правовые системы в их историческом развитии и др. Дело в том, что, в отличие от истории политических и правовых учений, теория государства и права является объяснительной наукой, ставящей перед собой цель на основе обобщения большого массива исторического материала, правоприменительной практики разных времен и народов создавать понятия, давать их систематизацию, предлагать критерии классификации различных категорий права и государства. Поэтому теорию государства и права можно считать не только и не столько классификационной и описательной, сколько систематической

и объяснительной наукой. В этом — значение теории государства и права как методологической основы для отраслевых юридических наук. В отличие от теории государства и права, история политических и правовых учений относится к описательным и классификационным наукам. Она предоставляет фактологический материал и задает своеобразный масштаб для исследований и оценок в рамках теории государства и права, философии права, социологии права.

С философией права эту науку объединяет общий предмет исследования, однако, в отличие от философии права, история политических и правовых учений — это историческая наука, изучающая материал в хронологической последовательности. По классификации наук, предложенной методологией неокантианцев, история политических и правовых учений есть наука индивидуализирующая, т.е. рассматривающая политическое и правовое учение конкретно-исторически, во всей его полноте и индивидуальном своеобразии. Историю политических и правовых учений иначе именуют историей философии права (курсы лекций П. И. Новгородцева, Н. М. Коркунова, Е. Н. Трубецкого и др.).

С социологией права историю политических и правовых учений роднит задача поиска закономерностей; однако если для социологии права научный интерес представляют закономерности общественных связей, то для истории политических и правовых учений принципиально важным оказывается раскрытие закономерностей развития политико-правовой идеологии.

Закономерности в истории политических и правовых учений

Тема обнаружения закономерностей в истории политических и правовых учений всегда представляла определенный научный интерес, но виделась авторами по-разному. Обобщая эти подходы, можно выделить две основные точки зрения на поиск закономерностей политико-правовой мысли: во-первых, это классовые антагонизмы в обществе, во-вторых, соответствие теоретического уровня доктрин политической и правовой действительности.

Для советского периода был характерен идеологический подход к пониманию этой науки и учебной дисциплины, что влияло и на понимание закономерностей развития права и государства. Так, предметом истории политических и правовых учений в это время считалось “возникновение и развитие идей и учений о сущности государства и права и о его политической организации общества,

¹² История политических и правовых учений. Учеб. / Под ред. М. Н. Марченко. С. 12.

взятых как *закономерное* (курсив мой. — *Е.Ф.*) отражение борьбы классов в обществе, как выражение интересов и взглядов борющихся классов и партий”¹³. Необходимость соответствия учения о праве и государстве политической и правовой реальности сомнений не вызывает. Это соответствие проявляется даже в самых, казалось бы, абстрактных политических и правовых доктринах. Так, например, в философии права Гегеля, несмотря на преобладание философско-методологического компонента, в программных требованиях учения выражается связь философии с потребностями своего времени. Задача его системы определялась поиском разумной идеи права, необходимостью познать право, “как оно есть”, постигнуть государство “как действительность нравственной идеи”. Рассмотреть эти понятия немецкий философ предлагал в качестве проявлений Абсолютной идеи, раскрываемой в “объективном духе” (абстрактное право, мораль, нравственность). При этом категории абстрактного права имеют в философии Гегеля четкий юридический аспект: собственность, договор, неправда. А институты государства в конечном счете обосновывают прусский политико-правовой порядок начала XIX в. Исходя из этого, можно сказать, что каждая политико-правовая доктрина есть выраженная через понятийно-категориальный аппарат политико-правовая действительность своего времени.

Любая историческая эпоха имела особенности, характерные черты развития государственных учреждений, правовых институтов и их теоретические обоснования. Это определяло выбор актуальных политических и правовых концепций. Например, для Древней Греции характерно понимание государства как “идеи добра, справедливости”, много внимания в сочинениях этого времени уделялось поиску идеального государства (Платон) и классификации реальных полисных систем (Аристотель). Для идеологии Средних веков в центре внимания исследователей находилась проблема соотношения церкви и государства. Для Нового времени характерными явились идеи формального равенства людей, обеспечение свободы и безопасности личности, в том числе и от произвола со стороны государства. В Новейшее время предлагаются доктрины взаимосвязей личности, общества, государства с учетом развития смежных социальных наук. На первый план выходят проблемы гарантированности прав и свобод человека, ценности личности, в связи с чем большее значение приобретают вопросы

политического режима, правового и социального государства.

Для науки истории политических и правовых учений понятие “политическое и правовое учение” имеет системообразующее значение. При этом во многих доктринах понимание права приоритетно, вопросы государственного устройства и политической программы вытекают из основополагающих теоретических представлений мыслителя о праве. Прежде всего это касается представителей теории естественного права, обосновывающих единые для всех принципы права (Гроций), права и свободы людей, особо оговаривая равенство всех лиц перед законом (Локк), разграничение понятий “моральности” и “легальности”, выделение среди правовых принципов права граждан на самостоятельность (Кант), “нравственно должного в праве” (Новгородцев), понимание права как культурного блага (Кистяковский) и др. Вместе с тем в истории политико-правовой мысли было немало доктрин, в которых большее значение приобретали вопросы политики и государства (Полибий, Макиавелли, Боден и др.). В истории политических и правовых учений существовали законодательные проекты, детализировавшие жизнь человека в обществе (“Законы” Платона, “Кодекс природы” Морелли, “Город Солнца” Кампанеллы, “Закон свободы” Уинстенли и др.). Теоретические попытки тщательно регламентировать существование человека с помощью законов иногда относят к построениям правового государства со ссылкой, что в них закону отводится ключевая роль и именно закон определяет жизнь человека в обществе. С этой оценкой нельзя согласиться хотя бы потому, что в данных трактатах речь не идет об обеспеченности прав и свобод человека в государстве, без чего немыслимо понимание правового и социального государства.

Наука истории политических и правовых учений идеологична по своей сути. Каждое учение в области политики и права имеет социально значимый характер, выражающийся, как было сказано, в программных положениях (призывах, лозунгах, прокламациях и др.). Именно в программе выражаются интересы и идеалы социальных групп, их отношение к существующему политическому и правовому порядку, возможным изменениям государства и права. Вместе с тем, несмотря на то что все политико-правовые учения имеют социальный характер, в истории политической мысли предпринимались попытки создать политически беспристрастные, “объективные” теории о праве и государстве. Постановка этой проблемы: построить независимую от человеческих интересов и страстей политическую и правовую доктрину, подобную математике своими логическими выводами, — во многом определялась

¹³ Галанза П.Н., Кечекьян С.Ф., Покровский С.А. История политических и правовых учений. Учеб. для юрид. вузов / Ред. С.Ф. Кечекьян. Ч. 1. М., 1948. С. 3 (Раздел написан проф. С.Ф. Кечекьяном).

философией рационализма Нового времени¹⁴. Однако при всей четкости этой методологии попытки таких построений применительно к области права и государства не увенчались успехом: в политическую и правовую мысль входили только те учения, которые совпадали с интересами каких-либо социальных групп ввиду новизны, актуальности поставленных вопросов и востребованности предложенных решений со стороны общества.

Во многих политико-правовых концепциях выражаются общечеловеческие ценности: идеи справедливости, свободы, равенства, общего блага. Однако нередко эти термины остаются только на бумаге. На практике существует опасность подмены этих понятий: за “общее благо”, “общую волю”, “народный интерес”, “национальную идею” выдаются вполне определенные интересы привилегированного меньшинства, никак не связанные с нуждами и чаяниями народа. Возможность такой подмены связана с абстрактностью понятий “справедливость”, “общее благо” и др. При необходимости они могут быть наполнены самым разным содержанием, однако выдаваться за интересы целого народа или большей части населения общества. Это тот случай, когда емкость формулировок должна быть конкретизирована на практике. Для определения того, действительно ли в политико-правовом учении речь идет о ценностях общечеловеческого масштаба или же в ней только формально используется соответствующая терминология, важен учет специфики этих понятий применительно к праву и государству конкретного народа и его времени¹⁵.

Преимственность в науке истории политических и правовых учений

Связь политических и правовых доктрин разных эпох обусловлена влиянием, накопленным мыслителями предшествующих времен, на последующее развитие политико-правовой мысли. Большой вклад в понимание науки истории политико-правовой мысли внес, как было замечено, Б. Н. Чичерин. По его убеждению, историк должен относиться к явлениям прошедшего не с отрицательной точки зрения, а с положительной стороны: отыскивать в них не то, что ложно, а то, что истинно. Историк политической мысли следует, не упуская из виду идеального совершенства как высшего требования

духа, стараться постигнуть совокупность исторических явлений как разнообразных выражений этого духа. Только поверхностное понимание истории видит в ней одни заблуждения человеческого ума; более глубокое ее изучение убеждает нас, что в ней раскрывается сама истина. То, что называется заблуждением, обыкновенно есть не что иное, как относительная истина. Воззрение, которое слагается в систему, которое приобретает прочность и воздвигается на степень исторического явления, непременно имеет существенные основы. Поэтому важно не отрицать неверные односторонние выводы, а вводить их в общую связь исторических явлений, где каждому историческому определению, схеме, теоретической позиции найдется место. “В истории мысли каждая система представляет известную сторону истины, которой полнота раскрывается в совокупности всех воззрений, насколько они успели проявиться в действительности”¹⁶. Согласно подходу Чичерина полное познание истины может быть только венцом всего человеческого развития. В то же время, справедливо полагал ученый, ошибочно думать, что в прошедшем истина находится только в смутных зачатках, что будущее готовит человеческому разуму новые, неведомые доселе откровения.

В советское время учебный курс истории политических и правовых учений делился на две неравные части: домарксистский и марксистский периоды, из которых первый содержал в себе только преддверие, “догадки” второго, а второй оценивался как период развития единственно верного, научного учения о государстве и праве¹⁷. В основе этого деления лежало предположение, что возникновение марксизма знаменовало коренной переворот во всех сферах знания, в том числе в учениях о праве и государстве, которые впервые в истории обрели научную методологию. Однако социальная практика

¹⁶ Чичерин Б. Н. Указ. соч. С. 29.

¹⁷ В учебнике 1960 г. задача курса истории политических и правовых учений определялась следующим образом: “Курс вооружает знанием истории возникновения и развития марксистско-ленинской политической теории, обогащавшейся и обогащающейся непрестанно все новыми положениями в результате опыта революционной борьбы рабочего класса, в идеологической борьбе с буржуазными и мелкобуржуазными идеями и учениями”. И далее: “Неоценимым победоносным оружием рабочего класса в его борьбе за освобождение человечества является его революционная теория — марксизм-ленинизм, под знаменем которого советский народ, руководимый Коммунистической партией, одержал свои всемирно-исторические победы, построив социалистическое общество и приступив к развернутому строительству коммунизма. Марксизм-ленинизм освещает пути мировому рабочему классу в его борьбе за мир, демократию и социализм” (см.: История политических учений. Учеб. / Под ред. С. Ф. Кечекьяна и Г. И. Федькина. Изд. 2-е. М., 1960. С. 7–9).

¹⁴ См.: Фролова Е. А. Идеи натурализма и механицизма в философии права Нового времени // Право и государство: теория и практика. 2016. № 1 (133). С. 44–48; *Ее же*. Логико-методологический аспект в философии права Нового времени // Там же. 2016. № 3 (135). С. 45–51.

¹⁵ См. об этом, например: История политических и правовых учений. Учеб. / Под ред. О. Э. Лейста. М., 1997. С. 11.

не подтвердила предположения о научном характере политико-правового учения марксизма. Деление концепций на “научные” и “ненаучные” не имеет достаточных оснований. В современной литературе такое деление признается чисто идеологическим и подвергается справедливой критике.

Тема преемственности позволяет отдельным ученым предположить, что история политических и правовых учений представляет собой чередование схожих идей в их различных сочетаниях. Так, Б. Н. Чичерин предлагал рассматривать историю мысли как “постоянное повторение одних и тех же воззрений, которые возвращаются в силу необходимости, как скоро человеческий ум, стараясь исследовать предмет, переходит одну за другою все разнообразные его стороны”. История, размышлял он, заключает в себе опыт человеческого рода, через который мысль приходит к самопознанию. Согласно его подходу мы видим в истории политических учений постоянное повторение одних и тех же групп, которые, следуя друг за другом в известном порядке, образуют в своей совокупности полный цикл учений о государстве, существенное содержание которого остается неизменным¹⁸. Б. Н. Чичерин выделял четыре основных начала, образующих эти циклы: общественную власть, свободу, закон и общее благо в качестве цели общества. Каждое из этих понятий может сделаться точкой отправления для исследования государства. Эти идеи, по его мнению, постоянно повторяются в истории. Различия поздних и ранних циклов могут заключаться в методах исследования, в “примеси посторонних элементов, в большей или меньшей степени развития этих начал, но, по убеждению отечественного историка политической мысли, существенное содержание остается одним и тем же.

Этот подход критиковался советскими исследователями. С. Ф. Кечекьян замечал: “Б. Н. Чичерин не только отрывает политические идеи от той реальной материальной почвы, на которой они выросли, не только рассматривает их в качестве абстрактно взятых “вечных” принципов организации государства и общества, но и отрицает действительное развитие политических идей, склоняясь к учению о вечном круговороте в истории”¹⁹. С позиции советской идеологии научный анализ исторического процесса с необходимостью приведет к тому, что прогресс общества отражает объективную закономерность и не составляет произвольной субъективной оценки

какого-либо мыслителя²⁰. Однако стоит заметить, что попытки представить содержание истории политической и правовой мысли только лишь как отражение классовых противоречий и классовой борьбы не привели к четкому видению развития политической и правовой идеологии на теоретическом уровне. История политико-правовой мысли явно показывает, что интересы социальных групп крайне разнообразны. Например, в XVII в. в период английской революции противники короля, отрицая абсолютную монархию, по-разному видели власть будущего: индепенденты (Мильтон) вначале отстаивали конституционную монархию, после 1649 г. — республику с цензовым избирательным правом, левеллеры (Лильберн) — народное представительство, диггеры (Уинстенли) выступали с требованиями революционного перехода от строя, основанного на частной собственности, к построению коммунистической общины.

В настоящее время теоретический подход к истории политических и правовых учений как “филиации идей” подвергается критике, но по другим основаниям. Среди прочего отмечается, что *влияние* и *воспроизведение* в исторической науке — совсем не одно и то же: учение, сложившееся под влиянием иных концепций, никогда не будет его точной копией, всегда привносится что-то новое в содержательную часть учения либо в его методологию или программу. Более того, в разных исторических условиях одна и та же идея предполагает совсем другое содержание. Например, термин “софист” первоначально означал мастера своего дела, человека, выдающегося в какой-либо области. Но с середины V столетия название “софист” применяется к тем, кто, странствуя по городам, обращается ко всем и за плату преподает красноречие, практическую жизненную мудрость и государственное искусство. Они предлагали обучать юношество “правильно мыслить, говорить и поступать во всех случаях общественной и частной жизни”. Отрицательный смысл слова “софист” нельзя распространять на старшее поколение софистов, которые пользовались большим уважением у образованных людей (Протагор). Можно заметить, далее, что термин “естественное право”, встречавшийся еще у софистов, в философии Аристотеля приобретает значение “типичного”, того, что, по его мнению, является естественным (частная собственность, семья,

¹⁸ См.: Чичерин Б. Н. Указ. соч. С. 29.

¹⁹ История политических учений / Под ред. С. Ф. Кечекьяна и Г. И. Федькина. С. 17.

²⁰ “Согласно представлениям буржуазных философов, историков и юристов идеи развиваются сами по себе, имеют свою самостоятельную историю; они якобы не обусловлены развитием материальной жизни общества и сами по себе определяют ход исторического процесса” (см.: там же. С. 18).

рабство) и только в Новое время в учении Гроция приобретает тот смысл, который в него вкладывается специалистами сегодня: естественное право — это область правового сознания, имеющая своим источником разум человека, содержащая принципы права, которым должны соответствовать нормы позитивного (волеустановленного) права. В теории Локка понятие “естественное право” дополнялось обоснованием прав и свобод человека, о котором не упоминал Гроций, но именно в интерпретации английского философа эта теория наиболее часто встречается в современной учебной литературе. И если проецировать термин “естественное право” (в постановке Локка, т.е. в обрамлении прав и свобод человека) на философию Аристотеля, получается теоретический *ponsens* — древнегреческого философа, выступавшего с развернутым обоснованием рабства, никак нельзя отнести к мыслителям, ратуящим за свободу, равенство, частную собственность. Поэтому следует согласиться с подходом, согласно которому история политических и правовых учений — это не чередование или воспроизведение схожих идей. История политических и правовых учений есть отражение в понятийно-категориальном аппарате теории государства и права меняющихся исторических условий и интересов различных общественных групп²¹. В этом контексте история политических и правовых учений связана с уровнем исследований теории государства и права, философии права, социологии и политологии.

Прогностическая функция истории политических и правовых учений всегда ставилась специалистами под сомнение, поскольку эта наука, как отмечалось, имеет исторический описательный характер. Вместе с тем признавалось, что данная наука, изучая модели правового сознания эпохи, формирует системные подходы к решению социально-политических проблем. Назначение истории политических и правовых учений как предмета, влияющего на юридическое мышление, заключается в выявлении из большого массива социально-исторических исследований тех, которые образуют некую модель решения проблем государства и права на определенном временном отрезке развития общества. Хорошо известно, что на протяжении веков поднимались и находили созвучное эпохе разрешение схожие вопросы в сфере политико-правовых явлений (как понимать народ, общество; каковы критерии типологии права и государства; где проходят границы деятельности государства; каким

образом соотносятся право и государство, государство и общество и др.). Ряд политико-правовых проблем получал теоретическое решение еще в античном мире (сущность и соотношение форм государства по учениям Платона, Аристотеля, Полибия, Цицерона), многие — трансформировались с учетом господствующей идеологии в период Средних веков (зависимость светской власти от духовной, обоснование сущности государственной власти как божественного порядка и управления людьми у Фомы Аквинского). Некоторые вопросы государства и права особо ярко проявились в эпоху антифеодальных революций в Новое время (поиск рациональных основ правовых предписаний или принципов “здорового разума” у Гроция, развитие положений теории естественного права в доктринах Гоббса, Локка, Спинозы и др.), углублялись в Новейшее время и не потеряли актуальности сегодня (смена нескольких “поколений” прав человека и гражданина, проблема их гарантированности государством и контроль этого процесса со стороны общества и др.). Понимая суть политико-правовой реальности и зная механизмы решения подобных проблем в предшествующие эпохи, можно не только оценить конкретно-исторические учения, но и создать парадигмы изменения/сохранения политико-правового строя.

Вместе с тем история политических и правовых учений, как отмечалось, не только не предполагает “круговорота” идей, но и не основывается на кумуляции знаний. Для данной науки важны принцип (модель, парадигма) решения проблем в области государства и права и понимание изменчивости механизмов их разрешения в соответствии с историческими условиями эпохи. XXI в., безусловно, — век информационный, поток информации тотально обрушивается на человека и овладевает его разумом, который не всегда может переработать количественные параметры полученных сведений. Однако расширение информационного объема не означает, что человечество (например, в античном полисе) обладало иными законами мышления и имело меньше теоретических способностей решать политико-правовые вопросы. О прогрессе в сфере политической и правовой мысли, вообще о прогрессе в области идей можно говорить в случаях постановки социально значимых проблем, оригинальности предложенных решений, обоснованности оценки доводов в защиту того или другого варианта решения политико-правовых явлений.

Еще раз заметим, что история политических и правовых учений не является “кумулятивным процессом накопления и трансляции знаний”. В ней не происходит постепенного раскрытия

²¹ См.: История политических и правовых учений. Учеб. / Под ред. О. Э. Лейста. М., 1997. С. 14.

Абсолютной идеи или линейного познания государства и права. При всем обилии и дальнейшем накоплении фактического материала в истории политических и правовых учений не происходит суммирования идей. Методологически это очень важно понимать: анализируя политико-правовые учения, нельзя сказать, что более поздняя теоретическая мысль является заведомо весомее, значительнее, прогрессивнее предыдущей, что, например, философия Аристотеля глубже теоретических идей Платона, а системой Гегеля преодолен формализм Кантовой философии. История политических и правовых учений предполагает борьбу разных мировоззрений, каждое из которых стремится доказать свою правоту, воплотившись в общественное сознание. Тем самым эта наука оказывает влияние на развитие политико-правовой идеологии. Поэтому для истории политических и правовых учений все доктрины представляют интерес не только как свод дат, имен, архивных данных, но главным образом как варианты альтернативного юридического мышления, обоснованность и актуальность которых подтверждается степенью востребованности на том или ином историческом этапе развития общества, права, государства.

Коль скоро история политических и правовых учений есть наука историческая, то исследование политико-правовых концепций происходит на фоне погружения в исторические события эпохи — для оценки содержания и развития положений доктрины важно понимать социальные и политические условия формирования учения, внешние обстоятельства, воздействующие на его последующую трансформацию. Так, например, теория народного суверенитета Руссо с принципиальным отрицанием института представительства на практике легла в обоснование именно теории представительных учреждений, а в теоретическом плане демократический принцип “общей воли” Руссо преобразился в концепции утилитаризма Бентама в принцип “наибольшего счастья наибольшего количества лиц”.

Критерии оценки политических и правовых учений

В юриспруденции существует много критериев типологии политико-правовых доктрин. Изучаются предметно-содержательный аспект учения, научность, ориентир на общечеловеческие/классовые ценности, литературный стиль, популярность, количество последователей, доступность изложения и др. В учебной литературе

отмечается²², что в зависимости от критерия соотношения идеала и действительности политико-правовые учения могут быть реакционными (призывают к восстановлению прежнего режима, например Галлер, де Местр); консервативными (выступают за сохранение и дальнейшее развитие существующих отношений, например Берк, Карамзин); прогрессивными (предлагают положительные реформы социального развития, например Сперанский). Критерий соотношения возможных сроков и способов достижения идеала подразделяет доктрины на радикальные — выдвигают требования всесторонней и быстрой перестройки всех институтов государства и права (Бакунин); умеренные — призывают к осмысленному и частичному пересмотру политико-правовых институтов (Десницкий, Татищев); революционные — требуют насильственного ниспровержения всего существующего строя (Маркс, Ткачев); реформистские — зовут к реформам государства и права (Лассаль, Чичерин). Для истории политических и правовых учений иногда оправдан критерий классового подхода и признания доктрины официальной или неофициальной идеологией — для большего понимания не только содержания учения, но и для оценки полемики, которую ведут классовые оппоненты (Платон и софисты, Вольтер и Руссо). Однако видеть в классовой сущности доктрины единственно верный критерий для руководства к действию не стоит: многие политико-правовые теории в таком случае не смогут подлежать оценке (полемика классовых единомышленников Маркса и Лассаля), другие — вообще окажутся за рамками классовых ориентиров (Остин, Петражицкий, Кельзен, Паунд, Харт).

Перечень оснований для критериев классификации политических и правовых доктрин открыт и, безусловно, зависит от многих факторов: объективности подхода, исторической среды формирования, собственных умонастроений мыслителя, субъективности восприятия материала и др. При этом (помимо структурирования материала в рамках информации прежнего объема) в науке истории политических и правовых учений происходит и **оценка** политико-правовых учений: кроме их предметной типологии определяется *значимость* данной теории о государстве и праве.

В этой связи закономерно возникает вопрос о возможности оценки современных политико-правовых учений и, соответственно, о необходимости включения их в программу преподавания данной учебной дисциплины. В советские

²² См. об этом, например: Учебник по истории политических и правовых учений / Под ред. О. Э. Лейста. М., 1999. С. 16.

годы специалистами предлагалось изучать разделы политических и правовых учений Новейшего времени в рамках курса теории государства и права и/или общей части государственного права буржуазных стран либо — как факультатив — по истории политических и правовых учений²³. Руководствуясь методологией Гегеля, следует признать, что при всей идеологической направленности данного курса в советский период такой подход был оправдан: “Сова Минервы вылетает лишь с наступлением темноты” — уяснить, всесторонне изучить и адекватно содержанию оценить политико-правовое учение можно только по прошествии какого-то отрезка времени. Исследовать политико-правовую доктрину современников непросто хотя бы потому, что прежде всего надо отбросить все субъективные личные эмоции и постараться увидеть масштабность

творения ученого. В настоящее время, например, такая ситуация сложилась с либертарной теорией В.С. Нерсисянца²⁴, оценить новизну и оригинальность которой предстоит исследователям в будущем.

Думается, что при всем изобилии разнообразных точек зрения современников по вопросам права и государства необходимо обращать перво-степенное внимание на содержательное решение политико-правовых вопросов данной доктриной. Эта часть учения в сочетании с логичностью построения и оригинальностью авторского подхода вполне может сделать современное политико-правовое учение “классическим” и стать предметом для изучения в рамках курса истории политических и правовых учений.

²³ См., например, статью, подготовленную сектором политических учений ИГП АН СССР: История политических учений в системе юридического образования. Проблемы совершенствования юридического образования в СССР // Правоведение. 1972. № 4. С. 88.

²⁴ Анализ и критику содержания либертарной теории см.: *Раянов Ф. М.* Юридическое право: время разобраться по существу. Уфа, 2001. С. 11, 12; *Лейст О. Э.* Сущность права. Проблемы теории и философии права. М., 2002. С. 258–263; *Мартышин О. В.* О “либертарно-юридической теории права и государства” // Гос. и право. 2002. № 10.